

Философский факультет

На правах рукописи

ОСИПОВА

Лариса Федоровна

КРИТИКА РЕЛИГИОЗНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

/ Анализ эсхатологических воззрений в православном
богословии и философии /

09.00.06. – научный атеизм

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА • 1974

А 3

Работа выполнена на кафедре истории и теории научного атеизма философского факультета Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель — доктор философских наук, профессор М.П. Новиков.

Официальные оппоненты :

Доктор философских наук, профессор В.Д. Тимофеев

Кандидат философских наук К.С. Синютина

Ведущее высшее учебное заведение :

Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства имени В.П. Горячкина, кафедра марксистско-ленинской философии и научного атеизма.

Автореферат разослан " " 1974г.

Защита состоится " " 1974г. " " часов.

на заседании Ученого Совета философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Москва, Ленинские горы, корпус гуманитарных факультетов, II этаж, аудитория № II57 /

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале гуманитарных факультетов МГУ.

Ученый секретарь Совета

Вопрос о перспективах общественного развития, идеалах будущего приобретает огромную теоретическую и практическую значимость, становится одним из кардинальных в идейной борьбе нашей эпохи. Именно в этой области общественной мысли как в фокусе концентрируется понимание всегда актуальных проблем о судьбах человечества в настоящем и будущем, о направлении процесса развития всемирной истории, о смысле её.

Интерес к этой проблеме, активно обсуждаемой общественными и политическими деятелями, писателями и философами, социологами, историками и экономистами, учёными и теологами никогда не носил отвлечённо-философского характера, а всегда диктовался классовыми потребностями, определёнными практическими, политическими соображениями. Теоретические обобщения социальных проблем, их решение с классовых, партийных позиций, исключает политическую беспристрастность, пассивность и нейтральность в данном вопросе.

"Мы живём в условиях неутраченной идеологической войны, — отмечал в докладе на XXIV съезде КПСС Л.И. Брежнев, — которую ведёт против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства. Все инструменты воздействия на умы, находящиеся в руках буржуазии, — печать, кино, радио, — мобилизованы на то, чтобы вводить в заблуждение людей, внушать им представления о чуть ли не райской жизни при капитализме, клеветать на социализм".¹

В настоящее время всё явственнее прослеживается тенденция на сближение буржуазной футурологии с религиозно-философскими и теологическими концепциями. Указывая на усиление влияния мистико-религиозных идей в буржуазной философии эпохи империализма, В.И. Ленин предупреждал, что "фидеизм стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшие шатания философской мысли."²

Современная религиозная философия выступает составной частью "советологии", её апологетическая функция интенсивно используется буржуазной

1/ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 90

2/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 380

идеологией и по мере углубления кризиса последней приобретает всё большее значение. В связи с этим возникает настоятельная необходимость теоретического анализа этого аспекта современной буржуазной идеологии.

Интеграция буржуазной философии и теологии как результат попыток найти выход из кризисной ситуации, перед лицом которой оказались апологеты капитализма, в том числе и религиозные, выступает характерной особенностью современной буржуазной общественной мысли. Эта особенность заметно проявляется и в трактовке перспектив общественного развития, так как буржуазные "модели" будущего нередко дополняются социальными концепциями, разрабатываемыми в кругах теологов.

Среди варьируемых социально-религиозных прогнозов будущего одной из ведущих является эсхатологическая концепция. Критический анализ этой концепции составляет содержание данной работы.

Диссертант ставит перед собой задачу прежде всего раскрыть сущность христианской эсхатологии, её идейные истоки и апологетическую функцию в идеологии современного христианства. В диссертации внимание акцентируется главным образом на таких проблемах как идейное обоснование православно-христианских эсхатологических воззрений в русской религиозной философии XIX-XX вв., подчеркивается принципиальная несовместимость научного понимания перспектив общественного развития с эсхатологической интерпретацией данной проблемы, а также неоправданность попыток современного православия сблизить религиозно-социальные воззрения с коммунистическими принципами и идеалами.

Исследование этих проблем в известной степени определило структуру диссертации.

При подготовке диссертации использованы произведения классиков марксизма-ленинизма, важнейшие партийные документы, работы советских философов, атеистов, историков по данной проблеме, а также материалы, опубликованные в официальном органе русской православной церкви "Журнале Московской патриархии", сочинения представителей русской религиозной философии XIX-XX вв., работы современных христианских теологов и идеологов пра-

вославия и другая богословская и религиозно-идеалистическая литература.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения.

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы, раскрывается содержание и объем понятия "эсхатология", а также принципы исследования.

В первой главе — "Идейные истоки и социальная сущность христианской эсхатологии" — рассматриваются эсхатологические мотивы в древнейших религиозно-философских системах египтян, персов, греков, иудеев и их влияние на формирование христианской эсхатологии.

С позиций исторического материализма, христианство, как религиозно-идеологический комплекс, явление историческое. Оно оформилось в значительной мере на материалах прежних верований, заимствуя из древнейших религиозно-философских систем мировоззренческие, мифологические и ритуальные элементы. Указывая на то, что всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, Энгельс писал: "религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой." ^I

В § I диссертации подчеркивается, что всеобщность распространения эсхатологических взглядов объясняется их мировоззренческой сущностью, а потому, независимо от степени развития древнейших культур, всем народам были присущи те или иные воззрения на конечные судьбы мира, человека и человечества, тот или иной взгляд на будущее. Здесь же отмечается историческая изменчивость эсхатологических представлений в древнейших религиозно-философских системах, формировавшихся в течение длительного периода, подчеркивается, что отдельные их части отражали условия жизни и воззрения различных общественно-экономических укладов.

В период разложения первобытно-общинного строя и формирования рабовладельческих общественно-экономических отношений, когда религия становится одним из ведущих элементов идеологического комплекса, она выходит за пределы олицетворения сил природы и поклонения им. В соответствии с из-

I/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.21, стр.315

менениями социальной ориентации и общественно-политической роли религиозных учений существенно изменяется их содержание: всё явственнее и отчетливее выдвигаются на передний план социально-этические проблемы. Центр тяжести эсхатологических воззрений соответственно перемещается с космогоническо-астрологических на социально-этические.

Далее подробно рассматриваются эсхатологические представления древности, оказавшие известное влияние на формирование христианской эсхатологии.

Анализируя эсхатологические воззрения древнейшего мира, диссертант делает вывод о том, что в значительной мере именно эсхатологические идеи были зародышевой формой, как религиозного, так и философского идеализма.

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что религиозный и философский идеализм имеет не только общую основу возникновения, как в онтологическом, так и гносеологическом аспектах, но и общую социальную направленность, общий реакционный, антиобщественный смысл при всех оттенках и разновидностях.

Диссертант кладёт в основу своего анализа ленинский методологический принцип социально-политической критики философского и религиозного идеализма.

Диалектико-материалистический метод объяснения идеологических воззрений в самом широком смысле предполагает "из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им формы."¹ Применение этого единственно научного метода объяснения общественного сознания даёт возможность вскрыть действительные причины возникновения любых идеологических образований, в частности, выявить социальную детерминированность христианских эсхатологических воззрений. Этой задаче посвящен § 2 главы I.

Так как эсхатология является важнейшей составной частью христианского религиозно-идеологического комплекса, то, естественно, причины её

¹/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.23, стр.483

возникновения совпадают с общими причинами возникновения христианства, научный анализ которых содержится в работах Энгельса, а также специальных исследованиях советских историков, религиоведов.¹

Период раннего христианства — период расцвета эсхатологии, когда иллюзии о скором пришествии Христа и установлении "царства божьего" достигли своего апогея. Порожденная мирскими интересами, условиями реальной жизни социальных низов Рима, эсхатология раннего христианства в религиозной форме отражала революционно-демократические чаяния и настроения масс. Подчеркивая ярко выраженную социальную насыщенность раннехристианской эсхатологии, резко отличавшую её от более поздней, ортодоксальной, диссертант руководствовался идеями Энгельса о том, что христианство возникло как движение угнетённых, ибо первые христиане формировались преимущественно из "отраждущих и обездоленных", "из разорившихся свободных самого различного толка, затем из вольноотпущенников, и особенно рабов, в сельских местностях провинций из мелких крестьян, все более и более попадавших в долговую кабалу" ²

В силу этого эсхатология раннего христианства в своеобразной форме выражала социальный протест, социальную оппозицию общественным порядкам рабовладельческого Рима, хотя эта оппозиционность в большинстве случаев не была достаточно осознана её носителями.

Но было бы ошибкой видеть в эсхатологии раннего христианства лишь форму неприятия существующего социального строя. В диссертации подчеркивается, что эсхатологические упования на чудесное избавление от жизненных тягот и невзгод отвлекали массы от действительной борьбы против "мира зла".

¹/Ф.Энгельс "К истории первоначального христианства". К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22

Ф.Энгельс "Бруно Бауэр и первоначальное христианство", там же, т.19

Ф.Энгельс "Книга откровения", там же, т.21

А.Ранович "О раннем христианстве", М., 1959; С.Ковалёв "Основные вопросы происхождения христианства", М.-Л, 1964; А.Ленцман "Происхождение христианства", М., 1960; и другие работы.

²/К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, стр.483

Не мирясь с реальной действительностью, эсхатология предлагала в качестве способа борьбы с "земными мерзостями" — мечту о лучшей жизни, о счастье людей. Не в состоянии указать реальные пути переустройства мира, она пыталась победить "мировое зло" в мечтаниях о грядущем блаженстве. Она призвала плакать и молиться, верить и надеяться на чудо, небесную помощь в установлении царства всеобщей справедливости.

Важно отметить, что христианская эсхатология, отражая в известной степени революционно-демократические чаяния масс, включала и религиозный фанатизм. Это определило её двойственный характер и соответственно противоречивое отношение к ней со стороны христианской церкви, которая до сих пор не выработала догматического определения относительно эсхатологического учения.¹ Далее в § 2 анализируется это противоречие в его историческом развитии.

Эволюция христианской эсхатологии была обусловлена эволюцией самого христианства, которое уже в I в. из религии гонимых, угнетенных и обездоленных превратилось в государственную религию и держалось теперь силой государственного принуждения. Став одним из надежнейших элементов государственного аппарата, оно активно использовалось эксплуататорами для усиления своего господства и дальнейшего порабощения масс.

Подчеркивая тенденцию освобождения христианства от демократических традиций, В.И. Ленин писал, что христиане, получив положение государственной религии, "забыли" накрепко о "наивностях" первоначального христианства с его демократически-революционным духом. Исследование показывает, что резче всего "забвение наивностей" обозначилось в христианской эсхатологии.

Выветривание революционно-демократических элементов из христианства сопровождалось острой борьбой, сопротивлением социальных низов Рима против ортодоксального христианства. Это сопротивление носило характер массовых еретических движений.

1/ С. Булгаков. Невеста Агнца. Париж, 1945, стр. 401

"На протяжении многих веков, — писал Энгельс, — даже классовая борьба осмысливалась людьми в рамках религиозных категорий: господствующие и угнетенные классы, исходя из специфики своих интересов, вырабатывали противоположные концепции божественного провидения и тем самым общего смысла природных и исторических явлений. Именно в этом отношении весьма показательны ереси, сопутствующие христианству с момента его формирования. Ереси всегда выступали против ортодоксальных обобщений церковных идеологов, защищавших господствующий строй."¹

Во втором параграфе анализируется социальный смысл еретической эсхатологии монтанизма, а также ересей более позднего исторического периода.

В.И. Ленин указывал на относительно прогрессивную, революционно-демократическую линию христианского сектантства, подчеркивая, что "было время, когда борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой."²

В диссертации подчеркивается, что эсхатология сектантства отражала социальный протест против притеснителей. Эта мысль подтверждается исследованием многочисленных исторических выступлений политического протеста под религиозной оболочкой. Как писал В.И. Ленин, это явление свойственно всем народам на известной стадии их развития.³

В параграфе отмечается, что сектантское движение в России XVIII-XIX вв. также выступало специфической формой борьбы эксплуатируемых масс против гнета самодержавия и выражало социальную оппозицию феодализму. На революционно-демократические настроения сектантских низов и возможность их использования в политической борьбе уже в самом начале XX в. обратили внимание социал-демократы, которые в своей резолюции о сектантстве, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г. отмечали: "Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демо-

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 468

2/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232

3/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228

кратических течений, направленных против существующего порядка вещей, II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии." I

В эпоху капитализма апокалиптико-эсхатологическая идеология не канула в Лету. Объективно капиталистическая общественная система, основанная на жесточайшей эксплуатации рабочего класса, несла разорение и гибель массам крестьянства, ремесленникам, торговцам, мелкой буржуазии, что способствовало сохранению и возрождению в период кризисных ситуаций апокалиптико-эсхатологических идей и настроений.

Характерно, что по мере углубления кризиса капитализма апокалиптико-эсхатологической тематике отводится всё большее место в буржуазной философско-социологической, религиозно-философской и теологической литературе.

В диссертации показано, что антиобщественный смысл эсхатологических воззрений и настроений широко используется современным антикоммунизмом, не пренебрегающим ни апокалиптическими фантазмагориями, ни мистикой, ни разнузданным оплёвыванием революционных идеалов.

Исходя из марксистско-ленинского анализа социальной роли религии, мы оцениваем эсхатологию в современном капиталистическом обществе как духовное ядро, которое служит для обуздания революционных настроений эксплуатируемых. В этой связи нетрудно понять, почему она активно используется многими философствующими защитниками капитализма.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эсхатология на протяжении всей многовековой истории христианства играла важную роль в богословской апологетике и в этом плане усиленно развивается и широко применяется в настоящее время. Защита и укрепление религии посредством эсхатологии объясняется прежде всего её совершенно исключительной ролью в теологии, для которой эсхатология всегда являлась надежным убежищем

I/ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.

М., 1954, ч. I, стр. 48

2/ Ф. Л. Баумер. Апокалиптика XX столетия.

"Вестник истории мировой культуры", 1957, № 2

перед натиском критических исследований.

Рассмотрение этой проблемы составляет содержание § 3 главы I. Апокалиптические разделы синоптических евангелий являются основой апологетической эсхатологии, под знаком которой писалась история христианской церкви и христианский канон, формировалась и развивалась этика и догматика, экзегетика и историософия, космология и гносеология христианства. Вне эсхатологического контекста не представляется возможным раскрыть сущность его социальных принципов.

В диссертации подчёркивается, что в обосновании этической "ценности" христианства посредством эсхатологии позиции теологов и религиозных философов по существу совпадают. Так, например, представители русской религиозной философии XX в. Н. Бердяев, С. Булгаков и другие видели в христианской этике основу нравственного и социального прогресса, считая, что лишь религиозная мораль может обеспечить социально-этическую устойчивость личности и общества.

Отвергая мораль, зовущую человека к "царству небесному", подчёркивая глубоко чуждый и враждебный коммунистическому мировоззрению христианский идеал человека, марксизм-ленинизм дал подлинно научное, диалектико-материалистическое обоснование идеала всесторонне развитой личности.

Апологетическая функция эсхатологии проявляется и в христианской экзегетике, которая занимает особое положение в теологии, поскольку она призвана разъяснять сущность библейских сказаний, мифов, понятий, отыскивать в них сокровенный "духовный" смысл, изыскивать способы навязывания верующим библейских взглядов и представлений. Вопиющую нелепость библейских повествований эсхатология пытается превратить в "тайну великую", побуждая экзегетов к совершенствованию казуистики. В этой связи экзегетика внесла огромное количество дополнений и комментариев к Библии, оснастила её новыми вымышленными деталями, тем самым усложнив и без того запутанные библейские тексты. I

I/ см.: Н. Гордиенко. Новые веяния в православной экзегетике. "Вопросы научного атеизма", 1966, вып. 2; И. Кривелёв. "Религиозная картина мира и её богословская модернизация", М., 1966; М. Новиков "Православие и современность", М., 1965.

В диссертации акцентируется внимание на том, что в эсхатологии находит свое оправдание и поддержку социальная доктрина христианства. Это выражается прежде всего в том, что неизменный рефрен христианской эсхатологии — учение о загробном воздаянии — является вообще одним из важнейших элементов апологетического богословия. Эсхатологическая проповедь загробного воздаяния в сформировавшемся классовом обществе по существу своему выступает апологией социального неравенства, гнета и несправедливости. Эсхатологическая идея загробного воздаяния лежит в основе социальных принципов христианства, оправдывающих античное рабство, средневековое крепостничество, современное угнетение пролетариата, проповедующих извечную необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, защищающих все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, превозносящих самоунижение, смирение и покорность. "Социальные принципы христианства, — писал Маркс, — переносят на небо обещанную ... компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле." ^I

Эти выводы Маркса всесторонне и глубоко характеризуют не только сущность социальных принципов христианства, но и обнажают апологетическую функцию эсхатологии в социальной доктрине христианства.

В этой связи интересно отметить, что под знаком эсхатологии апологетика пытается строить целые системы защиты господствующего строя. Современные теологи христианских конфессий, действующих в условиях капиталистической системы, распространяют апологетические концепции, призванные обосновать принципы буржуазного общества. Так, например, христианские идеологи Р.Мель, И.Мольтман и другие, отстаивая идею "ответственного общества", предлагают такие модели социальной организации, которые зиждятся на фундаменте "христианской гуманизации социальных порядков", истолкованных в аспекте эсхатологии, ибо они признают "подлинную" человечность отношений и единство человеческих стремлений лишь в мире трансцендентных измерений;

^I/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.204-205

в мире божественной сущности. ^I

Апологетическая функция эсхатологии в диссертации раскрывается не только на примерах христианской этики, экзегетики, социальных принципов, но и гносеологии. Эсхатологический фон христианской гносеологии выступает, как в учении о примате истины-откровения над истиной рациональной, так и в учении о существовании особого разума, осененного светом "божественной благодати".

Эсхатологизм христианской гносеологии позволяет современным теологам маскировать свою враждебность научно-материалистическому мировоззрению, выступать с декларациями о "нейтрализме" и даже "совместимости" между религиозной верой и научным познанием. Эсхатологический характер христианской гносеологии по сути санкционирует борьбу религии с наукой, ибо именно эсхатологические мотивы лежат в основе всех попыток религии принизить науку, дискредитировать принципы научного мышления. Критика науки с позиций христианской гносеологии является одним из распространенных средств в борьбе иррационализма против научного познания.

Диссертант делает вывод, что в условиях современной идеологической борьбы теологическая критика науки приобретает вполне определенный социальный смысл: христианская гносеология своим острием направлена против научного обоснования революционной практики, против научного социализма и марксистско-ленинской философии.

Историософская концепция христианства также находит защиту и обоснование в эсхатологии. Эсхатологический аспект христианской историософии выявляется уже в её исходных позициях, согласно которым бог выступает не только "первопричиной" и демиургом всего существующего, но и в качестве всемогущего правителя мира, санкционирующего всё происходящее в сотворенной им природе и обществе, а также конечной цели мирового процесса, всемирной человеческой истории. Следовательно, в рамках христианской историософии ставится знак равенства между понятиями "бог" и "первопричина", и между понятиями "бог" и "конечная цель" существования мира.

^I/ Moltman J Der Realismus der Hoffnung. München, 1967

Научное понимание общественного развития прямо противоположно и абсолютно несовместимо с христианской эсхатологической историософией. Марксистская теория общественного прогресса основана на историческом материализме, она не выдумывается марксизмом, а разрабатывается на основе объективного, строго научного изучения происходящих исторических процессов. В работе "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" В.И. Ленин подчеркивал, что для Маркса было весьма важно найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. "Маркс рассматривает общественное движение, — писал В.И. Ленин, — как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения." ¹

Марксизм теоретическое решение проблемы общественного прогресса связывает в единое целое с вопросом о будущем человечества и на основе анализа прошлого и настоящего предвидит перспективы завтрашнего, будущего дня.

Действительное будущее человечества связано с эрой коммунизма, знаменующей собой не "конец", а начало его подлинной истории. Историческая практика блестяще подтвердила правильность этого марксистского вывода. Как отмечено в материалах XXIV съезда КПСС, коммунизм — не отвлеченный идеал. Это объективная историческая необходимость. Это повседневная живая деятельность миллионов трудящихся во имя счастья человека, его благосостояния и всестороннего свободного развития. Сама жизнь оправдала ленинские слова о том, что чудесное пророчество есть сказка, но научное пророчество есть факт. ²

Во второй главе — "Критика эсхатологической концепции в русской религиозной философии XIX–XX вв. и современном православии" подчеркивается, что критический анализ христианских эсхатологических воззрений не может

1/В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 166

2/В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 472

быть полным и законченным вне контекста русской религиозно-идеалистической философии XIX–XX вв., выдвинувшей эсхатологическую проблему в качестве центральной и давшей ей идейное обоснование.

Теоретически оснащая христианские эсхатологические воззрения, русская религиозная философия пыталась поднять эсхатологию на философский уровень, сделать её мировоззренческим ориентиром человека и общества и тем самым противодействовать успехам материализма, атеизма и социализма.

Первый параграф второй главы посвящен анализу идейного обоснования эсхатологической концепции в теософии В. Соловьёва. Прежде всего, в диссертации показано, что основные идеи философии В. Соловьёва — метафизика личности, софиология, эсхатология — определили направленность русского идеализма и получили дальнейшее развитие в работах известных идеологов антикоммунизма и виднейших апологетов христианства Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и других. В. Соловьёва помнят и чтут не только представители "старшего поколения" белоземigrantской интеллигенции России, проявившие в своё время максимум активности для популяризации его идей, но в неменьшей степени и представители "младшего поколения" — И. Гессен, С. Верховский, — а также многочисленная плеяда современных западноевропейских последователей, которые видят особую ценность философии В. Соловьёва в том, что он якобы сумел разработать христианские идеалы огромного практического значения. / Е. Мюнцер, В. Шилкарский и другие / Они видят в эсхатологических построениях В. Соловьёва один из вариантов социально-религиозной модели будущего, а потому концепция В. Соловьёва представляет для них особый интерес. Перспективу социальной эволюции В. Соловьёв изложил в учении о "свободной теократии", которое представляет собой своеобразную попытку дать религиозно-философскую аргументацию в пользу эсхатологического понимания исторического процесса.

Согласно В. Соловьёву, структура "свободной теократии" определяется принципом: церковь направляет жизнь общества, монарх — управляет, пророк — исправляет. В сочетании эти три структурных элемента теократического идеала обеспечивают якобы правильную ориентацию и организацию общения людей.

В системе "свободной теократии" центральное место отводится христианской вселенской церкви. "Общественная жизнь, — писал В.Соловьёв, — зависит от нравственных начал, а они невозможны без религии, а религия истинная невозможна без Вселенской Церкви." ¹

Придавая большое значение вопросу о создании вселенской церкви, В.Соловьёв видел её основу в объединении православия и католицизма. Руководство объединенной вселенской церковью он считал необходимым сохранить за римским папой, который в качестве политической силы мог бы использовать власть русского императора как наиболее крепкую и централизованную.

В диссертации подчеркивается, что идеи В.Соловьёва о необходимости теснейшего союза церкви и монархического государства, проповедуемые в 80-е годы XIX в. были крайне реакционны.

В эти годы Россия вступила в "тот период капиталистического цикла, когда промышленность "процветает", торговля идёт бойко, фабрики работают всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т.д. и т.д." ² Растёт и крепнет промышленный пролетариат. Ширится рабочее движение. Одновременно накапливается недовольство крестьянских масс в деревне. Назревают условия буржуазно-демократической революции. Интернационально распространяется марксизм как идейная основа революционного движения пролетариата, способного вступить в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, опутавшего по рукам и ногам русский рабочий класс, весь русский народ.

На фоне сложившейся социально-политической обстановки России этого периода реакционные теократические идеалы В.Соловьёва выступали как прямая противоположность политической программе революционно-демократического движения, на что уже в самом начале XX в. обратили внимание будущие "веховцы", отъявленные контрреволюционеры, сознательно вставшие на путь

¹/В.Соловьёв. Соч., изд. 2-е, СПб, 1911, т. 8, стр. 103

²/В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 465-466

сближения с религиозной философией В.Соловьёва, отвечавшей их социально-политическому и философскому идеалам.

В социально-религиозных проектах В.Соловьёва общественный прогресс трактуется как преобразование и модернизация христианской церкви. Именно во вселенской церкви В.Соловьёв видел прообраз идеального общества, инструмент социальных и исторических преобразований, единственный способ разрешения всех противоречий, надежду и возможность межклассового мира и межнациональной солидарности, эталон новых социально-этических нормативов

Современные футурологи религиозно-мистического толка, модернизируя социально-религиозные прогнозы В.Соловьёва, черпают в его теократии аргументы для обоснования неизбежной роли церкви как модели социального устройства, всецело основанного на критериях религиозных ценностей, истин и идеалов. Автор диссертации приходит к выводу, что возрождение теократических идеалов В.Соловьёва — не быстропроходящее модное увлечение, а специфическое социальное явление, вызванное к жизни стремлением апологетов противодействовать всё более привлекающей к себе внимание широких масс коммунистической перспективе общественного развития всего человечества.

В § I главы II обращено внимание на эволюцию эсхатологической концепции В.Соловьёва, которая иногда не учитывается и не принимается в расчёт некоторыми его критиками. Отсюда происходят невольные ошибки в оценке социально-политических взглядов В.Соловьёва, реакционность которых, как в фокусе, отражается в мрачно-пессимистической эсхатологии последнего периода его жизни.

Отказавшись от идеи вселенской церкви, В.Соловьёв в работе "Три разговора" резюмирует, что общество, созданное в результате усилий человечества, если даже оно разумно и справедливо, в принципе не может быть обществом гармоничным и совершенным, поскольку оно создано без Христа, помимо Христа, а потому оно являет собой царство Антихриста, презренное царство "всеобщей сытости."

Современные антикоммунисты прямо ссылаясь на "Повесть об Антихристе" — центральную часть работы "Три разговора" — рассматривают Советское социалистическое государство как "земное царство Антихриста", а общественно-политическую борьбу масс за мир, демократию и социализм расценивают как "активизацию деятельности демонических сил".¹ Об этом писал в своей книге "Новая модель Вселенной" /Лондон, 1946/ П.Д.Успенский, аналогичные мысли пропагандировал через свой журнал "Русский колокол" И.А.Ильин, ярый монархист и реакционер, пытавшийся в идейной борьбе с марксизмом создать некую новую "философию религиозности и откровения", западногерманский идеолог Г.Кановаль и многие другие представители современной буржуазной философии, истории философии, теологии.

В.И.Ленин придавал большое значение критическому анализу философии В.Соловьёва. При подготовке первого номера "Искры" В.И.Ленин считал необходимым предложить В.Г.Плеханову выступить с критической оценкой философии В.Соловьёва.² Роль В.Соловьёва, как кумира философской реакции, была отмечена В.И.Лениным в работе "Материализм и эмпириокритицизм", где указано на связь воззрений "известного философского черносотенца" Лопатина с мистицизмом В.Соловьёва. Данная В.И.Лениным глубокая и всесторонняя критика "веховцев" также по сути своей направлена против их идейного вдохновителя В.Соловьёва, теософию которого С.Булгаков, например, оценивал как "последнее слово мировой философской мысли, её высший синтез".³

Русский идеализм начала века оказался в центре не только идейной, но и классово-политической борьбы. Вторжение политики в философию вызвало, с одной стороны, усиленный интерес к социально-политическому аспекту философских проблем, а, с другой стороны, способствовало идейной эволюции представителей русского идеализма в сторону мистики и иррационализма. В целях противодействия нарастающему влиянию марксизма, всячески охаявая общественно-политические идеалы пролетариата и иронизируя по поводу со-

¹/Canowal G. Monarchie nicht gestern sondern morgen. München, 1956

²/В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.46, стр.66

³/ Проблемы идеализма. М., 1902, стр.44

циальных перспектив научного социализма, они не сумели противопоставить последнему ничего, кроме религиозной жажды "царства божьего", эсхатологической мечты о "граде божьем".

Во втором параграфе последней главы диссертации исследуется развитие идей В.Соловьёва и его единомышленников в условиях буржуазной действительности XXв.

Представители русской религиозной философии видели свою задачу в создании такого учения, которое наиболее полно соответствовало бы религиозному представлению о мире и одновременно решало бы социальные проблемы в аспекте установок тех социальных сил, которые были заинтересованы в порабощении нового, революционного, прогрессивного.

В диссертации подчеркивается, что, усвоив опыт борьбы международной реакции против передовой общественной мысли, русская буржуазия потребовала от своих идеологов возродить религиозную философию, реформировать её и приспособить к решению социальных проблем.

В.И.Ленин расценивал религиозные искания буржуазной интеллигенции как один из многообразных приемов, уловок, ухищрений "идейного" воздействия буржуазии на наемных рабов с целью отвлечь их от борьбы против наемного рабства.

Опираясь на ленинскую методологию, руководствуясь ленинской оценкой идейно-политической сущности взглядов русских идеологов либеральной буржуазии, диссертант во второй главе показывает несовместимость научного понимания общественного прогресса и перспектив общественной жизни с эсхатологической интерпретацией названных проблем, с этой целью прежде всего обращаясь к анализу социального смысла эсхатологии С.Булгакова.

Как идеолог контрреволюционного либерализма, С.Булгаков считал, что необходимо выработать теоретическую основу для борьбы против научной философии марксизма-ленинизма и пытался посредством своей эсхатологической концепции отодвинуть, если не вытеснить, коммунистические идеалы из сознания демократической части общества.

Вульгаризируя марксизм, С.Булгаков пытался открыть в нём "существенные противоречия". Марксистскую концепцию общественного прогресса он представлял как вульгарно-материалистическую, которая якобы связывает идеал будущего только с удовлетворением материальных потребностей. Опошление марксизма выразилось в приписывании ему тезиса о том, что цель прогресса предполагает "возможно больший рост счастья возможно большего числа лиц" за счет страданий и мучений предыдущих поколений, призванных своими страданиями унавожить будущую гармонию. С.Булгаков объявил этот принцип извращенного им марксизма не только сомнительным, но и противонравственным, считая, что такая цель прогресса и будущего счастья человечества не представляет никакой этической ценности и не может быть ничем оправдана.

Воюя с изобретенным им "марксизмом", противопоставляя ему либерально-реформистские идеалы абстрактного гуманизма, С.Булгаков исказил социально-этические принципы марксизма и свел их к "скучным и бесцельным мечтаниям о кратковременном земном счастье будущих поколений."

Критикуя имевшее в то время широкое хождение в кругах либеральной буржуазии учение "этического социализма", В.И.Ленин в работе "Экономическое содержание народничества и критика его в книге г.Струве" специально проанализировал вопрос об отношении марксизма к этике, указав, что при рассмотрении вопросов общественного развития надо исходить не из "нравственных идей", а "отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях", "сводить их к интересам определенных классов..."¹

В диссертации обращено особое внимание на то, что развиваемая Булгаковым идея о конфликте между социальным детерминизмом и нравственностью, исторической необходимостью и моральным обоснованием социальных преобразований включена в арсенал современного антикоммунизма.

Диссертант подчеркивает, что только диалектико-материалистическое понимание закономерностей и тенденций общественного развития в целом позво-

1/ В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 532

ляет выделить подлинную сущность исторического прогресса и в недрах самого общества открыть его движущие силы. Отказавшись от абстрактной постановки вопроса об историческом прогрессе,¹ Маркс научно доказал, что социальная эволюция — естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций.

Историософские взгляды С.Булгакова совпадали в основном с христианской трактовкой общественного развития, согласно которой всемирный общественно-исторический процесс есть процесс целесообразный, направляемый божественной волей к заранее predetermined цели. По Булгакову, "история есть раскрытие и выполнение одного творческого и разумного плана, ... в историческом процессе выражена мировая провиденциальная мысль."²

Научно-материалистическое понимание исторического процесса прямо противоположно этим религиозно-идеалистическим выводам. Вскрывая гносеологические корни телеологического объяснения истории, Маркс указывал: "То, что обозначают словами "назначение", "цель", "зародыш", "идея" прежней истории, есть не что иное, как абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую."³

Мистифицируя это влияние, провиденциализм даёт внеисторический анализ явлений общественной жизни, принципиально исключает рассмотрение реального содержания общественного движения и его перспектив. Поэтому понятия "провидение", "провиденциальная цель" для марксизма всего лишь "громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего."⁴

Марксистскому учению о законах развития общества С.Булгаков противопоставил свою концепцию, согласно которой к истории вообще неприменимо понятие "закон". "Научного социализма не может быть вообще, — утверждал Булгаков, — поскольку социальная наука бессильна приподнять завесу будущего,

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. I, стр. 736

2/ Проблемы идеализма. М., 1902, стр. 32

3/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 45

4/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 4, стр. 141

завтрашнего исторического дня." ¹ Предвидеть будущее, в понимании С.Булгакова, значит точно указать наступление будущих событий в определенном пункте пространства и времени, на что марксистская социология, по его мнению, просто не способна.

Софистическая аргументация С.Булгакова, запутавшегося в диалектике абстрактного и конкретного, единичного и общего, имеет своих сторонников в лице современных социологов — Поппера, Брунинга и других.

Материалистическое понимание истории позволило выявить прогрессивную тенденцию общественного развития и обосновать критерии научности в прогнозировании будущего человечества.

Научное предвидение выявляет лишь тенденцию исторического развития и никоим образом не включает в себя предсказание всех отдельных событий и их деталей. В.И. Ленин писал: "Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело." ²

Во втором параграфе диссертант делает вывод, что существенной чертой эсхатологической концепции С.Булгакова является её ярко выраженный антикоммунистический характер, обеспечившей ей преимущество и широкую популярность среди современных противников марксизма. Последние считают, что эсхатология С.Булгакова, акцентируя внимание на социально-этических проблемах, предстает как антитеза не только научному способу мышления, но и научному объяснению общества и перспектив его развития. ³

Как религиозный мыслитель, С.Булгаков предлагал идеал иллюзорного будущего, идеал вымышленный, не земной. Эсхатологический идеал весьма абстрактен и как ценность трансцендентная лишен какого бы то ни было реального содержания. Ориентация на него по существу разрывает всякую связь с ре-

1/С.Булгаков. Два града. М., 1911, т. I, стр. 37

2/В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 116

3/ Wendland H. christliche und kommunistische Hoffnung.
в „Marxismusstudien“, Tübingen, 1954

альными условиями существования людей, в корне искажает взгляды на смысл жизни и действительные общественные отношения. В.И. Ленин подчеркивал, что "человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный." ¹

Второй параграф завершается выводом о том, что претензия эсхатологического философствования С.Булгакова на теоретическое опровержение научной социологии и решение проблемы будущего не состоятельна, так как эсхатологизм при всех его разновидностях, отрицая закономерности социальной эволюции, возводит в принцип мистификацию как исторического процесса, так и предполагаемого будущего и ориентируется не на реального человека, а на его так называемую "богочеловеческую сущность".

Эсхатологическая интерпретация общественных проблем предполагает идейное разоружение пролетариата в борьбе за претворение в жизнь таких идеалов, которые сочетают в себе силу человеческого разума и революционную энергию трудящихся и направлены на реализацию идей социального равенства, справедливости, мира и прогресса.

В последней части диссертации выделяется социально-этический аспект христианской эсхатологии современного православного богословия. Автор показывает, что современные православные богословы отвергают принцип социальной индифферентности христианства. Этот принцип оказался неприемлемым в новых исторических условиях, когда широкие народные массы включились в борьбу за социальные преобразования. Обращается внимание на попытки современного православия использовать в интересах укрепления позиций церкви реальные процессы социального развития наших дней — борьбу за мир, свободу, равенство и братство всех людей.

В диссертации подчеркивается, что русская православная церковь не смотря на ярко выраженную политическую переориентацию, не сложила идейного оружия в борьбе с научным мировоззрением, пытается насаждать и культивировать основанную на мистификациях, иллюзиях и предрассудках систему взглядов и представлений. По признанию одного из православных идеологов,

1/В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 56

"христианство не в состоянии пойти на такое сближение метафизических основ, которое означало бы фактический отказ от религиозных убеждений." I

На основе анализа эсхатологической концепции современного православия автор приходит к выводу, что посредством приложения эсхатологических критериев к социальной практике церковь пытается изыскать возможность воздействовать на осмысление реальных проблем современности и их восприятие верующими в аспекте трансцендентных измерений. Тенденция эсхатологизировать социально-этические проблемы современности — далеко не безобидное, чисто церковное занятие. Распространение эсхатологических воззрений тормозит развитие социальной активности, рост сознательности и культуры людей, придерживающихся этих взглядов, препятствует правильной ориентации личности, навязывая в качестве духовных ценностей представления и нормы, совершенно несовместимые с научным мировоззрением, коммунистическими идеалами.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

I/ Статья "К вопросу об эволюции эсхатологической концепции В.Соловьёва."

"Вестник МГУ", серия "Философия", № 3, 1972г.

2/ Статья "Социальный смысл эсхатологической концепции С.Булгакова".

"Вестник МГУ", серия "Философия", № 2, 1973г.

I/ "Журнал Московской патриархии", 1967, № 7, стр. 36

ПОДП. К ПЕЧАТИ 17/У-74 Г. ФОРМАТ 60x90/16
ФИЗ.П.Л. 1,5. УЧ.-ИЗД.Л. 1,0. ЗАКАЗ 1585. ТИР. 200

ОТПЕЧАТАНО НА РОТАПРИНТАХ В ТИП. ИЗД. МГУ
МОСКВА, ЛЕНГОРЫ